

Грузин Владимир Владимирович

канд. филол. наук, учитель

МБОУ «Средняя школа №57»

г. Ульяновск, Ульяновская область

Грузина Алевтина Ивановна

учитель

МОУ «Елховоозерская СОШ»

с. Елховое Озеро, Ульяновская область

**КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ
О РОЛИ МАЛОЙ ПРОЗЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В ФОРМИРОВАНИИ ПОЭТИКИ И ЭСТЕТИКИ
СРЕДНИХ И КРУПНЫХ ЖАНРОВ**

Аннотация: чувашская художественная проза о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, как и проза других народов Урала и Поволжья, выработала особую парадигму образного освоения реальной действительности. В связи с этим возникает насущная потребность поиска новых путей изучения эстетических открытий литературы на этом поприще. В литературоведении и критике Урала и Поволжья давно стала насущной необходимость выявления и анализа концепции социально активной личности, ее роли в качественном обновлении военной прозы. Своего решения требует проблема взаимосвязи конкретного человека, воина, солдата с исторической деятельностью, уяснения сущности исторической памяти как социально-исторического фактора.

Ключевые слова: концепция, критика, проблема, военная проза.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов принесла народам России много страданий и бед. Но вместе с этим она стала школой проверки крепости характера людей, воспитания человека в духе самоотверженного патриотизма, гуманности и героизма, выявила теневые или светлые стороны личности. Война обусловила необходимость коренных и крупных изменений в жанрах прозы, необходимость создания новых сюжетных механизмов, новой эстетики. Иссле-

дователи (А. Бочаров) отмечают, что проза о войне заняла особое место в развитии послевоенной литературы. Она стала не просто темой, а целым континентом, архипелагом, материком, где на специфическом жизненном материале находят свое решение едва ли не все идеальные и эстетические проблемы современной советской литературы» [9, с. 6].

Это замечание стало веским возражением против тех, кто в таких названиях, как «Тема Великой Отечественной войны в литературе» видел только слабые попытки освещения жизни и изучения истории национальных литератур. Детальный и скрупулезный анализ материала позволяет выявить в данной прозе существенные художественные находки и ориентиры. Континент, о котором говорит А. Бочаров, – это фактически понимание того, что необходим вдумчивый подход к проблеме военной прозы. Военная тематика и проблематика во многом повлияли на национальную литературу: это проявилось как по отношению к стилю, поэтике, жанрам, так и по отношению к системе героев прозаического произведения. Это свидетельствует о том, что при изучении литературного процесса важное место занимает анализ того, какие повороты жизни и каким образом писатели изображают, к каким открытиям это их подводит. Интересно отметить в связи с этим то, какие главные черты военной прозы считает существенными художественная критика.

Исследования показали, что в 1920–30-е годы писатели, изображая Гражданскую войну, часто показывали лобовое столкновение врагов: белых и красных, герои очень часто отображались одномерно, поверхностно. Конфликт таких произведений нередко строился прямолинейно. Героизм бойцов воспринимался прозаиками, как внешнее проявление мужества персонажей, потому что они были во многом персонажами идеологическими. Ход и итоги прошлой войны, процесс ее художественного изучения в основном давали новое понимание и конфликта, и человека в боевой обстановке, и человека, находящегося в тылу или под немецкой оккупацией. Писатели стали больше уделять внимание не политическим и идеологическим установкам, а живой жизни, пропу-

щенной через душу конкретного человека, через его взаимосвязь с эпохой и историей.

Опыт обрисовки героики Гражданской войны говорил о том, что борцы за новую жизнь сплошь и рядом были выразителями абстрактных идей, характер человека раскрывался в ходе отображения внешних черт геройства, через внешнее торжество идей, через надуманность идеологического противостояния героев.

Нравственные стороны личности порой подменялись идеологическими устремлениями персонажей. Нередко такие устремления приписывались героям авторами произведений. Они не рождались в ходе развития сюжета произведения, в литературе регулярно встречался мало оправданный, не совсем осознанный внутренне оптимизм общественного движения, он терялся в показе классовых столкновений; живого человека на страницах книг практически не было.

Слова А.Г. Бочарова в связи с этим необходимо оценивать как признание активного отхода художественной литературы о войне от шаблонов прошлых лет, от многих традиций 1920 – 30-х годов, как выявление художественных поисков, новых путей изображения людей, войны, народа, истории. Несомненно, глубокое понимание этого требует рассмотрения литературы не только 1941 – 1945 годов, но и всей прозы о войне; достижений повествовательных жанров 1960 – 80-х и последующих годов. В эти годы и состоялось накопление огромного литературного опыта, новое понимание роли военной прозы в развитии общества. Исследование этого континента показывает, что проза о войне стала большим шагом вперед в накоплении и развитии новых художественных тенденций.

Мнение известного ученого А. Бочарова справедливо: в русской литературе явление, квалифицируемое, как «военная проза» (наряду с «деревенской»), действительно стало и «архипелагом», и «континентом», и «материком». Появились такие романы (особенно в 1960 – 80-е годы), как политические («Блокада», «Победа» А. Чаковского в 4 томах каждый), социально-философские Ю. Бондарева («Выбор», «Горячий снег» и др.), социально-аналитические романы

И. Стаднюка («Война» и др.), нравственно-философские повести В. Распутина («Живи и помни»), В. Быкова («Сотников», «Знак беды» и др.) и т. д. Они и в самом деле вывели человеческую личность, образ человека и изображаемую действительность на новый художественный уровень.

Проявляется тесная связь между человеком новой критической действительности и разнообразием жанровой палитры прозы. Между тем, романы и повести не были одномерными и однобокими. Политические романы, к примеру, содержали в себе и философский анализ военной действительности, нравственно-философские повести обращались к приемам социального анализа жизни. Жанр таким образом насыщался нравственной, социально-аналитической, социально-философской проблематикой. Естественно, вместе с этим проза отмечала и внутренние изменения человека.

Художественная проза военных лет, послевоенных годов о войне, таким образом, стала существенно новым явлением. Именно поэтому изучение этого материала имеет огромное значение для понимания поисков всей художественной литературы второй половины XX века. Проблема гуманизма, нравственности человека, как отмечают исследователи (Бочаров, СРСЛ; Белая, 1982, Дедков, 1986.; Пархоменко, 1984 и др.), стала разрабатываться в совершенно новом свете, в тесном взаимодействии с реальными историческими событиями. Связь героя войны с историей, с ее реальными поворотами становится продуктивным методом художественного изучения военной действительности. Вместе с тем понимание этого стало большим подспорьем в исследовании военной прозы.

Необходимо отметить, что эта проблема в определенной мере волновала также и финно-угорских, и тюркских критиков. В мариийской критике интересна работа А. Васинкина (Васинкин, 1984), в мордовской – статьи А.И. Брыжинского (Брыжинский, 1989), в чувашской – Н.С. Дедушкина (Дедушкин, 1962) и др. Но эти работы все же отличаются тем, что часто только обозревают произведения о войне со стороны их тематики; сплошь и рядом они посвящены традиционному исследованию героев с идеологической позиции, со стороны показа писателями героизма и отваги и т. д. В 1960 – 1980-е годы работ, посвященных

4 <https://phsreda.com>

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

новизне проблематики, героя, новаторской роли военной прозы в области жанра, показа образа истории, было очень мало.

Рассмотрение критической литературы о белорусской, литовской, русской военной прозе и драматургии (работы Е. Горбуновой, А. Бочарова, А. Бучиса, Г. Белой и др.) позволяет сделать вывод, что в регионе Урала и Поволжья уже достаточно давно назрела необходимость внимательного изучения и критического исследования произведений о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г.г. Нельзя не отметить, что в этом отношении имеется положительный опыт изучения башкирской прозы (М.А. Ломунова), татарской драматургии (Е.Н. Горбунова, 1974), чувашских авторов (Ю. Артемьев, 1988; И. Иванов, 1987; Е. Владимиров, 1979; Г. Хлебников, 1971).

Следует также отметить, что в последние десятилетия много сделано в части анализа творчества отдельных прозаиков – «военщиков»: это труды о творчестве А. Артемьева (Иванов Ип., 1980; Хлебников, 1981), В. Садая (Владимиров, 1982), В. Алендея (Григорьев, 1974), Л. Агакова (Федоров, 2004), и т. д. Однако эти работы не посвящены специальному исследованию прозы о военной поре, ее теоретических, поэтологических, жанровых особенностей. Они к тому же еще не стали фактом системного изучения прозы о войне в контексте развития всей чувашской литературы.

Это объясняется тем, что не понята, не продумана до сих пор роль героя в создании жанра сюжета и конфликта, не выявлены причины, которые повлияли на обновление жанров, не исследованы основные пути развития военной литературы, не уяснено ее место в общем художественном процессе.

Поставить такие вопросы, по нашему мнению, можно только полностью охватывая деятельность таких прозаиков, как Л. Агаков, В. Садай, В. Алендей, Л. Таллеров, А. Артемьев, И. Тукташ, С. Аслан, М. Данилов-Чалдун, К. Турхан и многих других. Так же важно изучать произведения татарских писателей (А. Абсалямов), башкирских прозаиков (М. Карим, Х. Гиляжев), марийских авторов (З. Каткова, В. Юксерн, В. Иванов, К. Васин) и т. д.

Вдумчивый анализ этих произведений, критических работ, разбирающих такую прозу, даст много полезных сведений для создания общей картины развития прозы о войне. Конечно, роль их участия в развитии литературы неодинакова, но они могут дать общее представление о напряженных поисках литературы о войне.

Поддерживая мнение Е.Н. Горбуновой, кропотливо изучающей драматургию военных лет, следует отметить, что «качественное обновление» литературы обозначилось связанно с «концепцией социально активной личности». «То, что открывалось перед войной как реальная возможность, – пишет она, – предстало <...> как реальная действительность» [3, с. 178]. Этот момент и обусловил новое осмысление гуманизма, его взаимосвязь с событиями военных лет.

Постепенное накопление человеком качеств социально активной личности позволяет усмотреть в движении критической и литературоведческой мысли, обращенной к исследованию прозы о войне, черты,двигающие малые повествовательные жанры в сторону накопления поэтического арсенала, необходимого для крупных и средних жанров.

Такой подход поможет поставить исследования поволжских и приуральских критиков на целостный, системный уровень. Положение, высказанное Е. Горбуновой, позволяет обнаружить новые реальные перспективы изучения художественных процессов, имевших место во второй половине XX века. Исходя из этого существует возможность обнаружить продуктивные направления, позволяющие выявить пути формирования новой концепции личности в искусстве слова о войне.

Решающим фактором обновления прозы стал фактор сопоставления двух времен. Оно становилось, безусловно, не только условием личных впечатлений свидетеля-очевидца событий войны, но и неизбежно требовало от писателей умения анализировать две эпохи и публицистически, и философски. Изучение способов превращения возможности подвига в его реальность невозможно заключить в рамки лишь документального и лирико-психологического контекста.

Соединение трагического и комического диктовало авторам и их героям необ-

6 <https://phsreda.com>

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ходимость активного художественного обогащения очерков и рассказов, что меняло авторский взгляд на жизнь.

Естественно, все это четко отразилось на масштабе малой прозы – очерков, зарисовок, рассказов и т. д. В них два времени сталкивались через субъективное видение мира очевидцем страшных, критических ситуаций. Сама активная личность возникла, как показывает анализ критических источников, не сразу, а совместно с накоплением в очерках и рассказах черт повести и романа.

Концепция личности военной прозы, следовательно, возникала вследствие того, что война показывалась писателями такой, какова она была и в самом деле: через изображение смерти, крови, грязи, а вместе с тем мужества, патриотизма. Соединялись в одно кризисные стороны эпохи и объединенная жизнь человека. Героями становились, как считают И. Дедков, Г. Белая, Е. Горбунова, самые обыкновенные люди, для которых отвага раньше была только возможной, теперь же она стала действительной. Однако это мнение в чем-то можно и оспорить.

Становление возможного героизма героизмом подлинным требует огромных усилий. Человек, встретившийся со смертью с глазу на глаз, предельно напряжен, герой, увидевший обилие крови, не может оставаться обыкновенным. В связи с этим необходимо отметить, что война обнаруживала в обыкновенном человеке необыкновенные черты характера. В этом отношении показательны размышления профессора Г.Я. Хлебникова. Он пишет: «В рассказе «Два солдата» А. Артемьева (1958) противопоставлены жестокость фашистского офицера, убившего ребенка и изнасиловавшего его мать, и гуманность их отца и мужа». У М. Кибека показан «Петренко, сын которого был заживо сожжен немцами, а жена сошла с ума» [10, с. 96]. Это обстоятельство хорошо доказывает, что писатели больше внимание уделяли кризисным и трагическим ситуациям, в которых психика человека порой обнаруживала и те стороны, которые герою прежде были неизвестны.

Однако это не единственное достижение литературы о войне, пусть оно и связано с большими переменами и явлениями литературного процесса 40 – 80-х годов XX века.

Литературные процессы, связанные с войной, не сразу набрали свою зрелую силу, они накапливали художественный опыт постепенно, шаг за шагом. Война застала людей врасплох, поэтому критики и литературоведы не случайно обращают внимание на то, что писатели первых лет войны часто начинают сравнивать мирное время с военным временем на основе личных впечатлений очевидца.

На важное значение этого указывают башкирский ученый С.Г. Сафуанов (Сафуанов, 1979), чувашские критики Г.Я. Хлебников (1971), В.А. Абрамов (Абрамов, 2005), карельские и литовские критики и др. В своей книге «Современная чувашская литература» Г.Я. Хлебников анализирует рассказы А.С. Артемьева «Не гнись, орешник» и В.С. Алендея «Переживания солдата». Астров (герой Артемьева), «не смотря на свойственные ему, как новобранцу, недостаточную подтянутость», «ясно сознает силу наших войск и гораздо спокойнее воспринимает встречу с врагом». Степанов (персонаж Алендея) перед боем теряется, «им овладел страх, у него стали мелькать мысли о том, что хорошо бы сейчас оказаться где-нибудь подальше от поля боя» [10, с. 97–98].

Сравнение былого, прошлого и настоящего, следовательно, вскрывает в человеке процесс постепенного взросления и возмужания. Иной пример видим в рассказе В. Эктеля «Живая тень» (1999). Герой его, Герасим, здесь противопоставлен своему младшему брату, Дмитрию, честному человеку, истинному патриоту. Герасим же, подобно распутинскому Андрею Гуськову, решает скрыться от войны и прятаться в лесах. Конец, конечно, известен: после войны дезертир кончает жизнь самоубийством.

Знакомство с позициями различных критиков, таким образом, помогает выявить в сходных ситуациях различные типы героев, что позволяет осмыслить то, как в рассказах и очерках постепенно возникают условия для формирования различных типов личности.

Все это является свидетельством того, что фактор «социально-активной личности» свою возможную реальность может обнаружить совершенно по-разному. Во главе угла при этом находится сила нравственных или же безнравственных устремлений героя, в чем и скрыта огромная сила «реальной возможности», которая с войной стала «реальной действительностью» (Горбунова). В таком рассмотрении сопоставление времен мирного и военного действительно становится очень нужным. Исследователи отмечают, что подобное сравнение становится сильным художественным приемом в показе корней нового гуманизма и антигуманизма, помогающим в создании образа нового человека и его концепции.

Война заметно усилила зрение художественной прозы, она помогла выявить в человеке самые скрытые, как бы затаенные стороны характера, открыла новые законы трагического и комического понимания военного времени. Все это требовало новых форм и новых жанров. «В литературе этого времени, – отмечает эти особенности Е.Н. Горбунова – представлены все ее роды, виды и жанры: роман, рассказ, повесть, очерк, стихотворение, поэма» [3, с. 89].

Усиление зрения прозы, таким образом, побудило писателей обращаться, как отмечает Е.Н. Горбунова, не только к очеркам и зарисовкам. Уже к 1970-м годам стали появляться повести-очерки, очерки-романы. В чувашской литературе следует отметить как положительный факт появление повестей А. Артемьева «Зеленое золото», Л. Агакова «Золотая цепочка», романа В. Садая «Летчики» и т. д. В связи с этим профессор Г.Я. Хлебников пишет, что в разработке темы Великой Отечественной войны писатели стремятся к большим историко-эпическим обобщениям; появляются вслед за «Мощью» С. Аслана еще два новых романа – «Герои без вести не пропадают» (1958) Д. Кибека и «Меч и серп» (1968) А. Алги [10, с. 68)].

Сталкивание мирного времени с военным обусловило то, что писатели пристально изучали личные впечатления героев, были нацелены на документальную передачу их мыслей, на подлинность происходящих событий. Такой

художественный прием становится корнем новых, смелых поисков писателей и поэтов в области стиля, поэтики, жанра, судьбы героя и т. д.

Вместе с тем личные впечатления персонажей заметно углубили психологическое восприятие жизни, психологизм стал показательной чертой публицистических очерков и рассказов. Эти жанры часто строились как монологи, они были интересны читателям исповедальными нотами повествования. В этой исповеди героя читатели замечали яркое сочетание смеха и горечи, трагизма и комизма ситуаций, сочетание обыденности и гротеска, кризисных и обыкновенных ситуаций истории.

Соответственно монологи и исповеди, искренние свидетельства очевидцев диктовали необходимость создания очерков и рассказов. Но это не мешало писателям осваивать в данных жанрах средства и приемы сатиры, иронии, психологизма и публицистики.

На это обращают внимание многие исследователи. Так, авторы «Истории карельской литературы» отмечают, что прозаики Карелии, обращаясь к соединению мирной жизни с военным временем, более всего тянутся к очерковому отображению жизни, поэтому и рассказы их носят очерковый характер. Другими словами, ученые утверждают, что совмещение двух этапов жизни людей, истории общества вызывает необходимость еще и документального отображения военной поры [7, с. 164–165].

С ними согласен и башкирский литературовед С.Г. Сафуанов, который отмечает, что это обстоятельство приводит писателей к созданию одинаковых сюжетных механизмов, одинаковых жанров. Чаще всего это очерки-портреты, небольшие рассказы и зарисовки и т. д [8, с. 162]. Об этом же говорят авторы «Очерка истории советской литературы Карелии»: «Писал Ф. Трофимов также очерки – портреты партизан. В большинстве из них применяется один и тот же композиционный прием: сначала дается небольшая экспозиция, описывающая довоенную жизнь героя, дальше иногда следует исторический или географический экскурс, а затем уже рассказывается о партизанских буднях, о более значительных походах и боях [7, с. 164].

В ряде литератур очерк в это время занимает ведущее место. «Что касается мордовской прозы, – отмечают мордовские исследователи, то ее тенденции в этот период можно определить как процесс накопления сил, вынашивания крупных замыслов». «Мордовская проза военных лет по характеру, – отмечают они, – была преимущественно очерковой, публицистической» [6, с. 239].

Личные впечатления героев, их очерковая природа, таким образом, стали следствием обновления жанра, характера героя, конфликта произведения. Это характеризует и то, что внешний конфликт, который был распространен в 1920 – 30-е годы, стал внутренним, он перешел в душу героя, стал показателем его психологических движений, его философских размышлений. Немаловажной причиной таких перемен в прозе стала, как ни парадоксально, документальная основа впечатлений, реальная действительность, изучаемая писателями совсем в другом, неидеологическом свете.

Документальность в литературе о войне постепенно стала занимать главенствующее положение. Она принесла коренные перемены в ход изображения жизни. Проза становилась пусть и острой, но в основном очерковой и документальной. Вместе с тем, основываясь на подлинных фактах и событиях, она обретала новое содержание.

В подобной документальности основную роль начинает играть герой, являющийся очевидцем страшных событий, переживающий огромные потрясения. Его слово в связи с этим становится очень убедительным, психологически сильным и ярким. Соответственно документальность очерка, подлинность чувств героя и фактов обогащаются не только психологическими средствами.

Очерк становится причиной обновления жанров прозы, он объединяет в себе различные стороны и приемы рассказов, психологических зарисовок и т. д. Обновляются во взаимовлиянии друг на друга, безусловно, и очерк, и рассказ, и повесть. Мнение карельских и башкирских критиков в чем-то спрavedливо: одинаковые сюжетные механизмы нередко приводят к схематическому показу жизни.

Однако мнение Г.Я. Хлебникова, сравнивающего схожие ситуации А. Артемьева и В. Аллендея, А. Артемьева и М. Ильбека, наверное, более обоснованно. Ученый предлагает учесть в однотипных ситуациях и сюжетах различный опыт разных писателей, обуславливающий незримые пути, которые обогащают литературу разнообразным потенциалом.

На наш взгляд, необходимо более детально рассмотреть роль очерка в обновлении и обогащении рассказа. Документальность, приобретая гротесковые и психологические черты, начинает отходить от публицистики, приобретать новое содержание.

Соединение публицистики с психологическими переживаниями персонажей с философской и публицистической эссеистикой систематически накапливает приемы и стилевые средства, которые потом будут обогащать крупные жанры. Другими словами, признаки обновления жанра романов и больших повестей возникают, как указывает на это Е.Н. Горбунова, в малых жанрах – в очерке, рассказе, документальных зарисовках.

Ранние впечатления от войны, пусть и очень живые, все еще риторичны и плакатны. «На первое место выдвинулись агитационное стихотворение, очерк, рассказ. Они звали народ на героическую борьбу с врагом» [6, с. 23].

Е.Н. Горбунова, изучающая межлитературные контакты и литературные взаимодействия словесных культур разных народов, также отмечает: «Межлитературные контакты и творческое взаимодействие ныне не только необычайно ускорены, но и многообразны». Практически данная посылка является еще одним неприятием положения Сафуанова, так как ускорение тесно связано с движением к обновлению всей литературы в целом. Взаимопроникновение различных художественных направлений, традиций наблюдалось и непосредственно в период войны. В это время общность традиций проявилась очень широко, взаимопроникновение на первых порах очень часто приводила к выработке не только сходных жанров, но и одинаковых сюжетов, одинаковых стилевых тенденций, одинаковых жанров и конфликтов.

Наблюдение названных башкирских и карельских ученых неверно не только потому, что все писатели якобы одновременно обратились к изучению военной жизни в сравнении с мирной жизнью, но и потому, что под взаимовлиянием разные литературы обнаружили общие сюжеты, темы, общих героев, общую поэтику и т. д.

Обращение к опыту межлитературных контактов в трудах Г. Хлебникова позволяет изучать прозу «военщиков» как с точки зрения общих литературных процессов, касающихся литератур, так и с платформы индивидуальных особенностей творчества того или иного прозаика.

Несомненно, только голого пафоса, плакатности фактографии было, конечно, недостаточно, требовалось более углубленное изучение жизни, более внимательное отношение к фактам войны. Чувашский писатель Л.Я. Агаков, например, признавался в том, что он писал свои книги по тем личным впечатлениям, которые возникали от увиденного им на фронте, услышанного от участников тех или иных сражений. Книги рождались из «строк, живших вразброс», из дневниковых записей, зарисовок и т. д. Об этом он говорит в своих воспоминаниях «Книги рождались в огне» [1, с. 312–318].

Особый характер поэтики очерков, рассказов и новелл Л.Я. Агакова, как показывает анализ, достоверность невероятного сюжета, его парадоксальность и неожиданность. То есть документальность в этих случаях кризисного порядка, она насыщена трагизмом или комизмом до предела. Именно на это указывает, разбирая его повести и рассказы, профессор Г.И. Федоров (Федоров, 2004). Крайняя степень домысла нужна была для восстановления утраченных, странных, неожиданных кусков жизни, для верной передачи впечатлений, чем и примечателен Л.А. Агаков. Поэтому, как отмечают историки карельской, башкирской литературы, художественные особенности некоторых очерков еще были не совсем сильны. Для них в первую очередь были характерны сильное негодование, ненависть к врагам, субъективное восприятие жизни.

Указывая на целый ряд чувашских очерков о войне, на очерки В. Алагера («Выстрел с точным прицелом»), С. Аслана («Гвардии капитан Кириллов»),

М.Н. Данилова-Чалдуна («Двое против 20 фрицев»), В. Долгова («Снайпер Григорьев»), М. Ильбека («Мать и сын»), И. Тукташа («Золотая звезда», «Павел Лаптев»), К. Турхана («Пулеметчик Иван Смирнов»), С. Шавлы («Он убил 36 немцев») и др., исследователь прозы военных лет Н.С. Дедушкин отмечает, что основное внимание писатели обращают лишь на то, как созревало в героях патриотическое чувство [4, с. 103].

В чувашском литературоведении работа Н.С. Дедушкина, посвященная изучению чувашской литературы о войне, известна как критико-библиографический очерк (Дедушкин, 1962). Работа эта насыщена большим фактическим материалом, она интересна анализом писем писателей-фронтовиков, их личных высказываний. Но это именно критический обзор; в нем мало уделено места подлинному анализу произведений, недостаточно внимания обращено на то, как обогащается поэтика литературы военных лет.

Дедушкин больше останавливается на том, как героически сражались солдаты, при этом в недостаточном объеме анализирует поэтико-стилевые стороны произведений. Порой книга его сводится как бы к одам, сочиненным о героях, показанных в очерках. Книга насыщена пересказами событий, изображенных тем или иным писателем.

Необходимо подчеркнуть, что и в этих пересказах исследователь главным свойством произведений о войне считает нравственные корни героизма солдат и тружеников тыла. Конечно, эта нравственность редко оценивается им как условие и причина изменений стиля прозы, поэтики жанра, как средство типизации героев.

Такие наблюдения Н.С. Дедушкина нельзя признать справедливыми, ибо проблема воспитания подрастающего поколения в патриотическом духе остается насущной и в последующие годы. Обозревая прозу 1975 года, профессор Ю.М. Артемьев, например, останавливается на книге Л. Агакова «Солдаты». По мнению ученого, очерки и рассказы его проникновенны, как и произведения В. Алендея, В. Садая, оттого, что он сам является участником войны. В своем образе Артемьев подчеркивает особое место авторской участливости не

только в отображении войны, но и в осознании нравственных проблем современности. Эти проблемы решаются названными авторами через воспоминания о войне в шутливых рассказах, документальных очерках и т. д [2, с. 34–35].

Дедушкин отмечает, что многие очерки В. Долгова («Три богатыря», «Смелый сержант», «Ангар», «Песня Родины», «Бог войны», «Радистки») напрямую связаны с пропагандой боевого мастерства солдат. Очерк «Пулеметчик Иван Смирнов», по его мнению, – это в основном произведение документально-биографическое, оно основано на реальных фактах [5, с. 230–231], то есть в основном художественная глубина таких очерков была небольшая.

В самом деле, если Л. Агаков через прием домысливания подлинных фактов и случаев приближал произведения к художественному вымыслу, то очерки названных авторов (за исключением произведений И. Тукташа и М. Ильбека) все еще привязаны к патетико-пропагандистской риторике.

Свидетельства очевидцев о своих впечатлениях были еще во многом субъективны, писатели еще не научились домысливать их полно и глубоко. Кроме того, слишком сильно на очеркистов влияла власть идеологического отображения жизни. Однако прием сталкивания двух времен (мирного и военного), как правильно отмечают исследователи, выдвинул на главное место самого как будто бы обыкновенного, негероического человека; этот прием склонял писателей к созданию очерков.

Подобные, сюжетные приемы были широко распространены непосредственно в годы войны. Очерки Агакова, как и очерки В. Долгова, Ст. Шавлы, К. Турхана и некоторых других, слишком сильно привязаны, как правильно отмечает Н. Дедушкин, к приемам биографического рассмотрения судьбы действующих лиц. Довоенное время необходимо писателям для показа их нравственно-го прошлого, где, по мнению очеркистов, кроются корни их отваги. Несмотря на удачность приема сравнения мирного и военного времен, в проанализированных произведениях он «работает» на выполнение задач идеологической пропаганды.

Анализ ряда рассказов-очерков Л. Агакова, И. Тукташа, М. Ильбека показывает, что на их талант повлияли особенности героико-эпического освещения жизни патриотов. Рассказы, очерки, таким образом, открывают в человеке то, что в нем появлялось, крепло, пусть и незаметно, но ускоренно. Вот почему в таких произведениях большое место занимают личностная интонация, яркие риторические приемы ораторской речи, умение героя хорошо чувствовать аудиторию, хорошо понимать историческую обстановку и т. д.

Понимание важности принципа историзма в освещении жизни на фронте и в тылу, как свидетельствует из исследований Ю.М. Артемьева, хорошо проявилось в рассказе В. Садая «Мария везде» (1975), отличающемся эпической и как бы романной полнотой. В основу повествования здесь положены воспоминания летчиков, возвращающихся в памяти на поле боя. Девушка-летчица, оставшаяся в памяти Ивана навсегда, всю жизнь была для него неким нравственным ориентиром. Этот ориентир, воплощенный во всепроникающем воспоминании, как следует из цитированного высказывания, и дает панорамное ощущение жизни.

Это свидетельствует о том, что к 1970-м годам малый жанр иногда не только отходит от явного очеркизма, но и приобретает черты эпического изображения человека и реальностей войны. Как и прежде, основой сюжета становится воспоминание, которое принимает в этот период иные художественные функции.

Как подчеркивает известный ученый, пример насыщенности малого жанра в 1970-е годы не единственный, те же черты он наблюдает в маленькой новелле И. Лисаева «Танец Улюн», в которой художественно исследованы судьбы тысяч женщин, оставшихся без любимого человека, через поведение одной героини [2, с. 36].

Сталкивание двух времен (спокойного и кризисного) учеными справедливо расценивается как одно из важных условий изменений в прозе, которое проявляется также и в обращении к биографии простого человека, что помогло выявить внутренние его силы, корни его военной реальности. Это и склоняло пи-

сателей к очерку, очерк же, помогая отойти от абстрактных схем, позволил точнее изучать жизнь.

Возникают определенные типы концепции личности, пусть процесс этот длится и до 70-х годов XX века. Л. Агаков, например, в анализе героя главное внимание уделяет нравственным эмоциям, выявляющим в герое его положительные качества, которым предстоит быть проверенными в испытаниях, кризисных и каталических условиях, сформированных военным временем. Данная концепция в военной очеркистике и художественной прозе очень часто сформирована на обнаружении героического приключения, неожиданных способностей, огромной воли в самом обыкновенном человеке.

В. Алендей проявляет интерес к «тихим и спокойным» людям, которые способны на нравственно высокие переживания, пусть иногда и обуреваемы страхом, робостью, несобранностью (рассказы «Переживание солдата», «Солдат Самсун»). Выявляя стороны его поисков, Г.Я. Хлебников отмечает, что направленность к самобытным характерам «принесла ему ряд удач». Особенно примечателен в этом отношении Менделеев из «Ожидания» (1960): «присадистый», «широкоплечий», хотя ничем и не примечательный. Но в нем налицо «черты незаурядной натуры».

Сходные черты литературовед находит в рассказе «Без вести пропал» В. Садая, в котором воскрешает героизм незаметный, «тихий», солдата, сдержанного в проявлении своих чувств. Иван Алексеевич к тому же и молчалив, он же противник всякой показухи. Но его смерть отмечена ярким мужеством [10, с. 99].

К широким и панорамным обобщениям, как считает Г. Хлебников, приходит и А. Артемьев, близкий к М. Шолохову (рассказ «Два солдата»). Стиль его лаконичен, герои глубоко психологичны, в них высока степень нравственного напряжения. Очерковые герои постепенно приобретают новые художественные черты, черты лиризма и психологизма, эпически панорамного освещения жизни.

К чему приводит отображение таких очерковых героев? Разбирая драму К. Симонова «Русские люди», Е.Н. Горбунова отмечает: «основная роль при-

надлежит характерам сложившимся и цельным, как бы переступившим новый жизненный порог, реализовавшим те свойства, которые делают нового советского героя героем мира пониманий и действия».

Замечание Е.Н. Горбуновой позволяет сделать вывод: «война, пробудившая в человеке скрытые черты, помогла расценивать обыкновенного человека как готовый уже характер. Сильным условием обновления прозы стал именно художественный анализ уже сложившихся, но не проявившихся свойств личности. Поэтому так естественно проявляются их духовные качества в тех жизненных обстоятельствах, которые требуют, прежде всего, высокого уровня сознательности, осмыслиенного и верного исполнения своего жизненного долга и предназначения» [3, с. 126].

Как показал анализ критических свидетельств, малая проза через очерк осваивает приемы раскрытия готового характера. Постепенно она преодолевает собственно очеркизм, проникает в глубь характера человека. Неуклонно в ходе этого нарастает динамизм освобождения от субъективно-очеркового видения мира. Приобретая черты философского освещения жизни, рассказ получает способность объективного отображения реальности. Все эти качества свидетельствуют о том, почему и как поэтика рассказов и очерков движется к художественности повестей и романов.

Список литературы

1. Агаков Л.Я. Салтаксем: повеçсемпе калавсем. – Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 1975. – 384 с.
2. Артемьев А.С. Пурнăçчайлăхĕпе писатель ёсталăхĕ. – Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 1980. – 112 с.
3. Горбунова Е.Н. Перед лицом новой действительности: заметки о литературном взаимодействии. – М.: Совет. писатель, 1974. – 400 с.
4. Дырдин А.А. Диалектика памяти: (человек и время в повести В. Распутина «Живи и помни») // Современный советский роман. – Л., 1979. – С. 178–194.

5. Дедков И.А. Публицистика // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1971. – Т.6. – Стб. 72 – 75.
6. История марийской литературы. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. – 432 с.
7. Очерк истории советской литературы Карелии. – Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1969. – 376 с.
8. Сафуанов С.Г. Межнациональные связи башкирской литературы. – М.: Наука, 1979. – 280 с.
9. Скворцов Ю.И. Укаххурэн: повесемпе калавсем. – Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 1993. – 512 с.
10. Хлебников Г.Я. Современная чувашская литература. – Чебоксары: Чувашия. кн. изд-во, 1971. – 182 с.